

Приводя, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ факты изъ жизни и дѣятельности Димитрія Ивановича, мы видимъ, что главная заслуга его предъ исторіей состоитъ въ сознательномъ стремленіи къ ослабленію сильныхъ удѣльныхъ князей и уничтоженію князей мелкихъ удѣловъ, другими словами—въ стремленіи къ централизаціи власти, къ единодержавію. Это—во-первыхъ; во-вторыхъ, въ столь же сознательномъ стремленіи къ освобожденію отъ татарскаго ига. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и договорныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемся съ такими выраженіями: «а оже ны Богъ избавить, ослободить отъ орды» . . . «а перемѣнить Богъ орду» . . . «а отдалится отъ насъ орда» и т. д. Конечно, слава заслугъ Димитрія не принадлежитъ исключительно ему одному: она принадлежитъ столько же ему, сколько и его предшественникамъ, начиная съ его дѣда: они мирно, терпѣливо, хотя нерѣдко при помощи хитрости и коварства, подготавливали, къ достиженію намѣченныхъ цѣлей, тѣ средства, которыми воспользовался Димитрій. Но уже чрезвычайно важно и то, что онъ сумѣлъ воспользоваться этими средствами.

Василій Димитріевичъ.

р. 1371 † 1425.

Уже съ юныхъ лѣтъ Василій Димитріевичъ, хотя и несамостоятельно, является дѣйствующимъ лицомъ на политической сценѣ. Послѣ разгрома Москвы Тохтамышемъ въ **1383** г. апрѣля 23-го, когда ему было еще только 12 лѣтъ, отецъ послалъ его въ орду тягаться съ Михаиломъ Александровичемъ, в. кн. тверскимъ, о великокняжескомъ столѣ²⁷⁸). Михаилъ вышелъ изъ орды, не достигши своей цѣли; но онъ, кажется, въ надеждѣ, что дѣла въ ордѣ могутъ измѣниться въ его пользу, оставилъ тамъ сына своего Александра (Ордынца), — между тѣмъ какъ московскаго княжича оставилъ самъ ханъ въ 8000 рубл. сер. московскаго долга. Василю или, лучше, сопровождавшимъ его боярамъ приходилось все-таки бороться съ тверскимъ

278) До 1383 г. лѣтописи сообщаютъ слѣдующія извѣстія о Василю Димитріевичѣ: онъ родился 30 декабря 1371 г. (П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 232; VIII, 19; Ник. IV, 32); въ 1377 г. присутствовалъ при погребеніи митр. Алексія (ibid. VIII, 28); въ 1380 г., во время похода Димитрія Ивановича противъ Мамаю, онъ оставался въ Москвѣ съ прочими членами великокняжескаго семейства, которое поручено было Федору Андреевичу Свиблу (ibid. IV, 78; V, 238; VI, 92; VIII, 36).

княжичемъ. На это есть указанія въ лѣтописяхъ. Такъ, лѣтописи замѣчаютъ, что княжпчей «смущаше... нѣкий царь ординскій, обещаваея комуждо дати великое княженіе»; этотъ смутникъ общавался и хана настроить такъ, какъ ему заблагоразсудится. Но московскому княжичу не нравилось жптье въ полуневольт, и онъ «умысли крѣпко съ вѣрными своими доброты» — бѣжать изъ орды. Въ 1386 году онъ былъ уже у молдавскаго воеводы Петра. Въ сопровожденіи московскихъ бояръ, высланныхъ къ нему на встрѣчу отцемъ его, а также многихъ поляковъ и литовцевъ, онъ прибылъ въ Москву (кажется, черезъ Пруссію, гдѣ видѣлся съ Витовтомъ и условился съ нимъ относительно женитьбы на его дочери) 19 января 1387 года ²⁷⁹).

18-го мая 1389 года скончался Дмитрій Ивановичъ Донской. До чего упало теперь значеніе татаръ въ глазахъ московскаго князя, показываетъ то обстоятельство, что Дмитрій Ивановичъ, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, благословляетъ своего сына Василя Владимірскимъ княжествомъ, этимъ символомъ великокняжескаго достоинства, какъ *своей отчиной*. 15-го августа того же года ханскій посоль Шахматъ, во Владимірѣ, возвелъ Василя на великокняжескій столъ ²⁸⁰). Это торжество, впрочемъ, вскорѣ нѣсколько омрачилось: между великимъ княземъ и его дядей Владиміромъ Андреевичемъ произошелъ разладъ вслѣдствіе ли того, какъ полагаютъ, что окружавшіе молодаго великаго князя бояре не хотѣли дать Владиміру надлежащаго участія въ дѣлахъ правленія, или вслѣдствіе утвержденія новаго порядка въ престолонаслѣдствіи, какъ думаютъ другіе. Владиміръ Андреевичъ съ семействомъ и боярами своими выѣхалъ изъ Москвы въ свой Серпуховъ, а отсюда въ Торжекъ, въ Новгородскую

279) П. С. Р. Л. III, 93—94; IV, 90—91, 95, 138; V, 238—239, 242—243; VIII, 48—49, 51—52; XV, 443—444; Ник. IV, 141, 143, 151 и д. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей, Витовтъ взялъ съ Василя Димитріевича слово, что онъ женится на его дочери; Карамзинъ, напротивъ, думаетъ, что Василю, предвидя недолгое пребываніе Витовта въ Пруссіи и соображая, что такой умный, энергичный и хитрый литвинъ возьметъ на Литвѣ перевѣсъ надъ своими родичами, самъ скорѣе желалъ породниться съ нимъ. Карамзинъ сомнѣвается даже и въ томъ, что Василю пробрался въ Москву черезъ Пруссію.—По Новгородской первой Василю позвалъ въ орду ханъ; по остальнымъ лѣтописямъ его послалъ туда отецъ. По той же Новгородской Василю пошелъ въ орду «въ то же лѣто» (6891 г.), а «той же осени» пошелъ въ орду Михаилъ Александровичъ тверскій. — Въ Новгородской четвертой подъ 1385 годомъ сказано, что Василю въ этомъ году ходилъ въ орду, между тѣмъ какъ онъ уже давно былъ тамъ и въ этомъ году бѣжалъ изъ орды. — О предложеніи Витовта проводить Василю на Русь говоритъ только одна Никон. лѣтопись. — Въ Воскр. лѣтописи говорится, что Дмитрій Ивановичъ Донской послалъ бояръ на встрѣчу Василю въ Подольскую землю... Кажется, вѣрнѣе читать «въ Полоцкую», какъ въ Никон. лѣтописи.

280) Ibid. I, 233 (подъ 1388 г.); II, 351; VI, 108; VIII, 56, 60; XV, 444; Ник. IV, 188, 191—192.

землю. Но въ томъ же году дядя и племянникъ примирились и написали договорную грамоту. Великій князь, по этому договору, считается по отношенію къ своему дядѣ старѣйшимъ братомъ; братъ его Юрій равнымъ братомъ, остальные великняжескіе братья — младшими братьями. Далѣе великій князь обязываетъ дядю «всѣсти на конь», когда придется садиться на коня и ему, великому князю. «А гдѣ ми (Василію) самому не всѣсти, и мнѣ, брате, тебе послати, а тобѣ всѣсти безъ ослушанья», читаемъ далѣе въ договорѣ. Вообще этотъ договоръ мало чѣмъ отличается отъ подобныхъ же договоровъ предшественниковъ Васплія. Но есть два пункта, обращающихъ на себя вниманіе, въ которыхъ — съ одной стороны — выражается какъ бы недоувѣріе племянника къ дядѣ, а съ другой — благія чаянія перемѣнъ въ отношеніяхъ къ ордѣ и предположенія о новыхъ примыслахъ. Вотъ эти пункты: «Оже ми, брате, самому сѣсти въ городѣ, а тебе ми послати изъ города, — и тобѣ оставити своя княгини» (т. е. въ Москвѣ); точно также дѣлаетъ и великій князь. Далѣе: «а перемѣнитъ Богъ орду, и тобѣ имати дань съ своее вотчины и съ своего удѣла собѣ» . . . «а найду собѣ Муромъ, или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти (Владиміру) проторъ не надобѣ», и наоборотъ. По этому договору Владиміръ Андреевичъ получилъ Волокъ и Ржеву, которые, впрочемъ, по другому договору, были промѣнены на Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ. Владиміръ по этому же послѣднему договору не вступаетъ въ примыслы великаго князя: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія инья мѣста татарскія и мордовскія, бывшія за Дмитріемъ Константиновичемъ, дѣдомъ его, и за нимъ самимъ ²⁸¹).

Была ли въ какой-нибудь связи съ дѣлами новгородскими, какъ положительно думаетъ Карамзинъ, ссора или размолвка дяди съ племянникомъ и имѣла ли она вліяніе на отношенія Новгорода Великаго къ молодому великому князю, — не знаемъ, такъ какъ указаній на это въ лѣтописяхъ нѣтъ; знаемъ только, что вскорѣ послѣ примиренія великаго князя съ Владиміромъ въ Москву прибыли въ **1390 г.** новгородскіе послы, взяли миръ по старинѣ, и великій князь послалъ къ нимъ намѣстникомъ своимъ Евстафія Сыту ²⁸²).

Въ слѣдующемъ **1391 г.** января 9-го семнадцатилѣтній великій князь вступилъ въ бракъ съ Софіей, дочерью Витовта Кейстутевича, который, будучи выгнанъ изъ Литвы Ягелломъ, жилъ тогда у прусскихъ нѣмцевъ. Есть лѣтописныя извѣстія, впрочемъ, позднѣйшія, будто-бы Витовтъ силой

281) Ibid. VIII, 60; XV, 444; Ник. IV, 192; С. г. г. и д. №№ 35, 38; Ист. Росс. С. Соловьева, IV, 5; Карамз. V, 72.

282) Ibid. III, 95; IV, 97, 139; V, 244; VIII, 61; Карамз. V, 73.

вынудилъ у будущаго великаго князя московскаго обѣщаніе жениться на его дочери. Наши историкки считаютъ это извѣстіе недостовернымъ и скорѣе видятъ въ этомъ бракѣ расчетъ политическій. Кроме того, нѣкоторые видятъ здѣсь несообразность въ томъ, что Василій, бѣжавшій изъ орды въ Молдавію, никакъ не могъ возвратиться въ Россію черезъ Пруссію. Какъ бы то ни было, но бракъ этотъ состоялся ²³³).

Въ половинѣ іюля слѣдующаго **1392 г.** Василій Дмитріевичъ отправился въ орду, и это путешествіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ въ смыслѣ новыхъ примысловъ къ Москвѣ. Великій князь чрезвычайно любезно принять былъ въ ордѣ, что правдоподобно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Тохтамышъ въ это время находился въ открытой враждѣ съ Тамерланомъ, который отъ Аральскаго и Каспійскаго морей подвигался къ сѣверу, къ улусамъ хана Золотой орды. Конечно, послѣднему плохо пришлось бы, если бы вел. кн. московскій, а за нимъ и вся почти сѣверо-восточная Русь стали на сторону Тамерлана. Съ другой стороны, и золото московскаго князя сослужило тутъ свою службу, — не даромъ же лѣтописецъ замѣчаетъ про великаго князя: «и умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу». Не смотря на то, что въ **1389 г.** ханъ далъ ярлыкъ на Нижегородское княжество Борису Константиновичу, у котораго оспаривали это княжество его племянники — Кирдяны, теперь Тохтамышъ, по совѣту приближенныхъ своихъ, не постѣснился признать Василія наследственнымъ государемъ Нижегородскаго княжества; мало того, — Василій получилъ еще Городецъ, Мещеру, Тарусу и Муромъ. Изъ орды великій князь удался, кажется, съ необыкновенной поспѣшностью, такъ какъ Тамерланъ приближался къ ханскимъ владѣніямъ. Отъ хана отправленъ былъ въ Московскую землю посоль Уланъ—царевичъ, который долженъ былъ возвести Василія на великокняжескій Нижегородскій столъ. Изъ орды Василій прибылъ въ Коломну, откуда самъ поѣхалъ въ Москву, а посоль съ своими боярами отправился въ Нижній-Новгородъ. Благодаря измѣнѣ старѣйшаго нижегородскаго боярина Василія Румянца, московскіе бояре безъ труда овладѣли городомъ ²³⁴). Борисъ, его семейство и приверженцы закованы были въ цѣпи и разсланы по городамъ. Вскорѣ въ Нижній-Новгородъ прибыли

233) Ibid. II, 351; IV, 97; V, 244; VIII, 61; Ник. IV, 194—195. См. прим. 279.

234) Подробности этого эпизода см. подъ Борисомъ Константиновичемъ; П. С. Р. Л. IV, 97; V, 244; VI, 122—123; VII, 237; VIII, 62—63. Первые двѣ изъ указанныхъ лѣтописей подъ 1390 г. говорятъ, что царевичъ Уланъ посадилъ Василія на великое княженіе. Карамзинъ (V, прим. 143) опровергаетъ это извѣстіе Степенной книгой (I, 518), по которой Уланъ посадилъ Василія на Нижегородскій столъ. Но здѣсь разныя лѣтописи и разумѣютъ, вѣроятно, Нижегородское княженіе, которое также называлось *великимъ*. — Сдѣлаемъ здѣсь общую замѣтку, что хронологія 6897—6901 годовъ въ лѣтописяхъ сильно перепутана.

самъ великій князь и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (Дмитрій Александровичъ Всеволожскій). Впрочемъ, Суздальско-Нижегородское княжество еще не окончательно утвердилось за Москвой: Борисъ вскорѣ умеръ; но послѣ него остались племянники, Василій Кирдяпа и Семень Дмитріевичи, по матери родные дядя Василю Дмитріевичу; кажется, они княжили тогда въ Суздальской волости, или только проживали въ Суздаль. Но объ этомъ — рѣчь впереди. Здѣсь же пока отмѣтимъ только, что въ томъ же **1392** году великій князь (а съ нимъ и Русь) понесъ двѣ весьма чувствительныхъ утраты въ лицѣ умершихъ, въ этомъ году, троцкаго игумена Сергія, о важномъ значеніи котораго говорить излишне, и боярина своего, Данила Теофановича, о которомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ много послужилъ великому князю и въ ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ ²⁸⁵).

Тогда же началась вражда у великаго князя и съ другимъ Новгородомъ, Великимъ. Въ **1391** г. въ Новгородъ пріѣзжалъ митрополитъ Кипріанъ и, послѣ двухнедѣльныхъ пиршествъ, потребовалъ себѣ права суда въ Новгородѣ, которое принадлежало и прежнимъ митрополитамъ. Между тѣмъ новгородцы всегда старались выговорить у великихъ князей и выговаривали себѣ право — не ѣздить на судъ въ Москву (вообще «на Низъ»). Мало того: они задумали не ходить на судъ и къ митрополиту, и еще въ **1385** г. написали въ этомъ смыслѣ утвержденную грамоту и укрѣпились крестнымъ дѣлованіемъ. Теперь новгородцы начали ссылаться на эту грамоту, между тѣмъ какъ митрополитъ требовалъ уничтоженія ея. Новгородцы не согласились. Въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ Новгорода Кипріанъ. Но это дѣло митрополита было въ то же время и дѣломъ великаго князя: зависимость Новгорода отъ московскаго митрополита была въ сущности зависимостью отъ Москвы. И вотъ, въ **1392** г. великій князь отправилъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ чернаго бора, княжчны (княжескихъ пошлинъ) и церковной подсудности митрополиту, который разрѣшитъ новгородцевъ отъ грѣха клятвopреступленія (клятву—не ходить на судъ къ митрополиту они скрѣпили крестнымъ дѣлованіемъ). Новгородцы отвѣчали отказомъ, и великій князь послалъ дядю своего Владиміра Андреевича и брата Юрія воевать новгородскія волости. Московскія, коломенскія, звенигородскія и дмитров-

285) П. С. Р. Л. I, 233; II, 351; III, 96; IV, 97, 99, 140; V, 243—245; VI, 119, 122—123; VII, 220, 237; VIII, 61—63; XV, 446; Ник. IV, 195, 198; 239—241, 251; Степенная кн. I, 517—518. Мещера куплена была еще Донскимъ у кн. Александра Уковича; Таруса имѣла своихъ князей изъ рода кн. черниговскихъ (С. г. г. и д. I, № 32); *Городокъ* Мещерскій — впоследствии Касимовъ (см. Вельяминова-Зернова «Исслѣдованіе о касим. царяхъ и царевичахъ», ч. 1).

скія войска, взявши Торжокъ и набравши множество плѣнныхъ въ новгородскихъ волостяхъ, уже возвращались во-свояси, какъ жители Торжка, на которыхъ обыкновенно падали первые удары московскихъ полковъ, какъ это было и въ данномъ случаѣ, возмутились и (это было уже въ 1393 г.) убили нѣкоего Максима, доброхота великаго князя. Василій опять отправилъ на Торжокъ полки, съ тѣмъ чтобы убійцы Максима были схвачены и доставлены въ Москву. Москвичи повоевали Торжокъ, Волокъ и Вологду, а семьдесятъ человѣкъ, замѣшанныхъ въ убійствѣ Максима, доставленные въ Москву, публично были казнены: имъ постепенно отрѣзали руки, ноги и пр. и при этомъ приговаривали, что такъ гибнуть враги великаго князя ²⁸⁶).

Новгородцы не хотѣли оставаться въ долгу: въ томъ же 1393 году, подъ предводительствомъ кн. литовскаго Романа и кн. Константина Ивановича бѣлозерскаго, они начали воевать великокняжескія волости, взяли городокъ Кличень и Устюжну, пограбили и пожгли Устюгъ и Бѣлозеро; но, не желая дальнѣйшаго кровопролитія и раздора съ великимъ княземъ, въ областяхъ котораго вели торговля дѣла, послали къ Василію пословъ просить мира по старинѣ, который и былъ заключенъ на предложенныхъ великимъ княземъ условіяхъ; митрополиту новгородцы отослали свою крестную грамоту, вслѣдствіе чего Кипріанъ, между прочимъ, писалъ имъ: «і нынѣ обращенія ради вашего отъ грѣха этого прощаю васъ і благословляю, такожь и сынъ мой великій князь Димитріевичъ ваше челобитное моленье приемлетъ и миръ по древнему даетъ вамъ». Послы великаго князя, отправившіеся въ Новгородъ для подкрѣпленія этого мира, привезли въ Москву черный боръ съ новгородскихъ волостей и 350 рублей великому князю и митрополиту за то, что послѣдній послалъ свое благословеніе новгородскому владыкѣ и всему Новгороду ²⁸⁷).

Между тѣмъ, 6-го мая 1393 г. умеръ Борисъ Константиновичъ нижегородскій, княженіе котораго было присоединено къ Москвѣ. Дѣти его, Иванъ и Данило, разосланные, по взятіи Нижняго, по разнымъ городамъ

286) Ibid. III, 96; IV, 99—100, 140; V, 245; VI, 123; VIII, 62—63; Ник. IV, 125 и сл. называетъ Максима бояриномъ великаго князя. Онъ убитъ «на Великъ день», т. е. на Пасхальное воскресенье.

287) Ibid. III, 96; IV, 100, 140; V, 245—246; VI, 123; VIII, 63—64; Ник. IV, 252—254; Архангел. 114; С. г. г. и д. II, № 13. Подъ тѣмъ же 1393 г. нѣкоторые изъ лѣтописей (IV, V, VI) отмѣчаютъ свиданіе Василія Димитріевича съ тестемъ его Витовтомъ въ Смоленскѣ; Соф. вторая, сказавши о свиданіи и походѣ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича на Новгородскую землю, оканчиваетъ 1393 годъ извѣстіемъ о томъ, что Василій Димитріевичъ воевалъ съ Лугвеніемъ, который одолѣлъ, взялъ въ плѣнъ кн. Родослава (Олеговича рязанскаго) и отправилъ его къ Витовту, который посадилъ его въ тюрьму. Не смѣшивается ли здѣсь Василій Димитріевичъ съ кѣмъ-нибудь другимъ?

въ заключеніе, и теперь еще не были на свободѣ. Но у Бориса были еще племянники, Василій и Семень Дмитрієвичи, какъ видно, добывавшіеся волостей отца и дяди ²⁸⁸). Вслѣдствіе притѣсненій со стороны великаго князя, вскорѣ послѣ смерти Бориса (въ 1394 г.), они бѣжали изъ Суздаля въ орду хлопотать о возвращеніи своей отчины: Суздаля, Городца и Нижняго-Новгорода. Посланная за ними великимъ княземъ погоня не достигла цѣли ²⁸⁹). Были ли дѣйствительно братья Дмитрієвичи въ ордѣ — неизвѣстно; надобно полагать, судя по послѣдующимъ событіямъ, что если они даже и были въ ордѣ, то не тамъ все-таки нашли помощь, а ближе къ своей отчинѣ. Въ концѣ октября 1395 года Семень Дмитрієвичъ подошелъ къ Нижнему-Новгороду съ царевичемъ Ейтякомъ (Ектякъ, Ентякъ, Гентякъ) и 1000 татаръ. Три дня московскіе воеводы отбивались отъ татаръ, но, наконецъ, отворили ворота, взявши предварительно подъ присягой клятву съ русскихъ и татаръ, что они не будутъ грабить и брать въ плѣнъ христіанъ. Однако татары преступили клятву и грабили русскихъ до-нага ²⁹⁰). «Не азъ тво-рихъ лествъ, но татарове; а язъ въ нихъ не воленъ, а съ нихъ не могу»,

288) См. соотвѣтственное мѣсто подъ Борисомъ Константиновичемъ Нижегородскимъ, а также подъ Василіемъ и Семеномъ Дмитрієвичами суздальскими. У Татищева (IV, 375) также есть извѣстіе подъ 1394 годомъ, что Василій Дмитрієвичъ ходилъ къ Нижнему-Новгороду на Василія Кирдяпу и на брата его Семена «и выведя ихъ, даде имъ градъ Шую, а дядя кн. Борисъ Константиновичъ Новаграда Нижняго и суздальскій въ Незинѣ преставися и положенъ бысть въ его отчинѣ въ Суздаля, мая въ 6 день». Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ, Татищевъ говоритъ уже о бѣгствѣ братьевъ — Дмитрієвичей въ орду. — По большаивству лѣтописей Борисъ скончался въ 1393 г.; кромѣ Татищева смерть его относитъ къ 1394 г. Троицк. лѣт. у Карамз. V, пр. 145. — «Въ Незинѣ преставися...» Здѣсь, кажется, нужно читать не «въ Незинѣ» (на Низу, въ Низовской землѣ), а «въ вязеньи», т. е. въ заключеніи, въ тюрьмѣ.

289) П. С. Р. Л. IV, 99; VI, 124; VIII, 64; Ник. IV, 254, 256. Въ Софійской 2-й сказано только, что суздальскіе князья побѣжали, что за ними была безуспѣшная погоня, но не сказано, откуда и куда бѣжали; въ Воскр. — что побѣжали въ орду къ Тохтамышу; въ Никон. — то же. Но ни откуда не видно, были ли они тогда въ ордѣ, гдѣ, кажется, не до нихъ было, такъ какъ Тохтамышу угрожалъ тогда Тамерланъ.

290) Ibid. IV, 101; V, 247; VI, 128 (подъ 1395 г.), 130 (1399 г.); VIII, 72 (то же); Ник. IV, 267 (подъ 1396 г.). Соловьевъ и Карамз. относятъ это событіе къ 1399 году. — То обстоятельство, что Софійская вторая, какъ лѣтописный сборникъ, одно и то же событіе помѣщаетъ и подъ 1395 годомъ, и подъ 1399-мъ, говоритъ, кажется, о томъ, что въ первомъ случаѣ она пользовалась болѣе древними лѣтописями, и можетъ быть новгородскими, а во второмъ — болѣе поздними сборниками. — Мы полагаемъ, что Семень Дмитрієвичъ привелъ татаръ казанскихъ, а не изъ орды, такъ какъ послѣдняя, въ виду наступленія на нее Тамерлана, сама нуждалась въ силахъ. Притомъ же, во 1-хъ, Юрій Дмитрієвичъ мститъ Казанской землѣ, а во 2-хъ: въ Никоновской лѣт. сказано, что татары, разграбивъ Нижній-Новгородъ, возвратились «во свою землю, въ Казань». Если же въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и говорится, что татары изъ Нижняго бѣжали въ орду, то это, кажется, не болѣе, какъ промахъ составителя лѣтописнаго сборника, составителя, у котораго понятіе о татарахъ тѣсно связывалось съ понятіемъ объ ордѣ.

говорилъ кн. Семень въ свое оправданіе. Двѣ недѣли пробыли татары въ Нижнемъ и, наконецъ, бѣжали въ орду, прослышавъ, что великій князь собираетъ на нихъ сильное войско. Дѣйствительно, Василій Димитріевичъ послалъ брата своего Юрія наказать татаръ, и послѣдній пропикъ за Волгу и на Каму, взялъ города: Болгаръ, Жукотинъ, Казань и другія мѣста; вообще, московскіе полки воевали край три мѣсяца. Что касается Семена Димитріевича, то онъ скрывался послѣ того между татарами, а потомъ, когда жена и дѣти его были отысканы и взяты въ Москву, онъ и самъ добилъ челомъ великому князю, какъ, кажется, и братъ его Василій ²⁹¹). Но объ этомъ вскорѣ будемъ говорить ниже.

Еще ранѣе, чѣмъ дядя великаго князя начали добиваться своей Суздальско-Нижегородской отчины, въ Москвѣ и вообще на Руси уже знали, что Тохтамышъ сильно отвлекается отъ своихъ улусовъ новымъ восточнымъ завоевателемъ, Тамерланомъ. Въ **1393 г.** Тохтамышъ уже испыталъ силу послѣдняго въ степяхъ Астраханскихъ; но этотъ урокъ не подѣйствовалъ на хана Золотой орды: онъ вскорѣ двинулъ свои полчища на сѣверную Персію, которую Тамерланъ, по праву завоевателя, считалъ своимъ достояніемъ. Бой между двумя вождями родственныхъ народовъ произошелъ близъ нынѣшняго Екатеринограда; разбитый Тохтамышъ бѣжалъ; Тамерланъ преслѣдовалъ его до Волги, посадилъ въ ордѣ новаго хана, и въ концѣ **1395 г.** устремился далѣе на сѣверъ. Великій князь приказалъ собирать полки, съ которыми, оставивъ въ Москвѣ кн. Владиміра Андреевича Храбраго, выступилъ къ Коломнѣ и остановился на берегу Оки. Народъ, объятый ужасомъ, постился и молился; великій князь приказалъ укрѣплять города, а для успокоенія взволнованныхъ умовъ писалъ митрополиту, чтобы онъ распорядился перенесеніемъ, изъ Владиміра въ Москву, Владимірской иконы Божіей матери. Это было въ началѣ августа. Тамерланъ, между тѣмъ, взявъ Елецъ, продолжалъ держать путь далѣе къ сѣверу и направлялся, по видимому, къ Москвѣ. Но въ концѣ августа онъ вдругъ повернулъ назадъ, о чемъ вскорѣ узнали и въ Москвѣ. Великій князь воротился съ береговъ Оки въ свою столицу, гдѣ съ великой радостью встрѣченъ былъ духовенствомъ и народомъ. Современники приписали избавленіе отъ новаго завоевателя заступничеству Богоматери, и церковь установила празднество въ честь срѣтенія иконы Ея 26-го августа, такъ какъ въ этотъ день изъ Владиміра въ Москву была принесена помянутая икона, и въ тотъ же

291) Ibid. IV, 101—102; V, 247; VI, 128 (подъ 1395 г.), 130; VIII, 72 (подъ 1399 г.); Ник. IV, 267. Ср. прим. 290. О Семенѣ и Василіи Кирдяпѣ см. ниже прим. 300 и текстъ къ нему.

самый день, по сказаніямъ современниковъ, Тамерланъ пошелъ въ обратный путь изъ предѣловъ Руси²⁹²).

Орда, потрясенная нашествіемъ Тамерлана и оскудѣвшая людьми, теперь, конечно, не была страшна Москвѣ, и великій князь могъ обратить свое вниманіе въ другую сторону, на другихъ сосѣдей и особенно на усиливавшуюся тогда Литву, гдѣ, съ 1392 г., началъ господствовать тесть Василя Димитріевича, Витовтъ. Оставленный въ покоѣ нѣмцами, Витовтъ, въ 1395 г. сентября 28, хитростью взялъ Смоленскъ и въ то же время послалъ рать на Олега рязанскаго, у котораго находился въ это время одинъ изъ князей смоленскихъ, братьевъ Святославичей, Юрій, женатый на дочери Олега. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что великому князю московскому не желательно было такое сосѣдство, не желательно было усиленіе литовскаго князя вообще, а тѣмъ болѣе — на счетъ древнихъ русскихъ областей. Но онъ, какъ видно, пока еще не хотѣлъ становиться въ открыто враждебныя отношенія къ своему тестю; видимъ даже, что Василій дѣйствуетъ совместно съ Витовтомъ и въ его пользу. Въ 1396 году мы видимъ Василя Димитріевича и митрополита Кипріяна въ гостяхъ у Витовта въ Смоленскѣ, гдѣ они праздновали Пасху и гдѣ литовскій князь уважилъ ходатайство митрополита о непритѣсненіи греческой вѣры: митрополитъ московскій былъ духовнымъ пастыремъ православно-русскаго населенія Литвы. Между тѣмъ Олегъ рязанскій сдѣлалъ нападеніе на принадлежавшій Литвѣ Любутскъ. Василій Димитріевичъ, въ угоду Витовту, чрезъ посла совѣтовалъ Олегу воротиться домой. Олегъ послушался тѣмъ болѣе, что граждане Любутска храбро защищались. Витовтъ, однако, не хотѣлъ оставить Олега безнаказаннымъ: онъ пошелъ («о Покровѣ», 1-го октября) въ Рязанскую землю и жестоко расправился съ жителями посѣщенныхъ имъ мѣстностей: проливалъ кровь, какъ воду, по выраженію одного лѣтописца, и «люди улцами сажали (и) сѣкли», по выраженію другаго. Послѣ этого подвига Витовтъ былъ въ Коломнѣ у Василя Димитріевича, который принялъ его съ великою честію и богато одарилъ. Здѣсь оба князя (хотя желаніе было одного Витовта) условились отправить пословъ къ новгородцамъ съ требованіемъ, чтобъ они расторгли миръ съ нѣмцами. Какъ увидимъ, Витовтъ думалъ о томъ, чтобы Новгородъ считалъ его своимъ великимъ княземъ: по одному этому онъ могъ смотрѣть на дружбу новгородцевъ съ нѣмцами, какъ на личную обиду; кромѣ того, негодованіе Витовта на Новгородъ могло усиливаться еще и потому, что послѣдній принялъ къ себѣ двухъ князей,

292) Ibid. V, 248—249; VI, 124—127 (254 — подъ 1514 г.); VIII, 65—66, 68 (254 подъ 1514 годомъ воспоминается событіе съ указаніемъ на 1395 годъ); Ник. IV, 260 и сл.

непріятныхъ для Витовта: Патрикія, отца котораго, Наримонта Ольгердовича, онъ повѣсилъ и разстрѣлялъ, — и Василя Ивановича, одного изъ смоленскихъ князей, съ которыми онъ еще такъ недавно поступилъ слишкомъ безцеремонно и коварно. И такъ, князья условились послать въ Новгородъ посольство, и въ **1397** году послы Василя Дмитріевича были уже въ Новгородѣ. Страшны были князья московскій и литовскій, но и торговые интересы — съ нѣмцами ли, съ другимъ ли какимъ народомъ, — были очень близки сердцу Новгорода. Кромѣ того, надобно имѣть въ виду и то обстоятельство, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ **1391** г.) новгородцы заключили въ Изборскѣ миръ съ Любекомъ, Готландомъ, Дерптомъ и Ревелемъ. Понятенъ, по этому, отвѣтъ, данный новгородцами Василю: «Господинъ великій князь! у насъ съ тобой миръ, съ Витовтомъ — иной и съ нѣмцами — иной». Такимъ образомъ совѣтъ князей ни къ чему не послужилъ для одного, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ, для Витовта. Впрочемъ, судя по слѣдующимъ событіямъ, Василю Дмитріевичу, кажется, уже во время переговоровъ съ Витовтомъ думалъ сводить счеты съ Новгородомъ самъ, тѣмъ болѣе, что къ тому были весьма серьезные поводы ²⁹³).

Еще въ **1395** г. въ Новгородъ пріѣзжалъ митрополитъ съ патриаршимъ посломъ и требовалъ суда для себя, но не получилъ его. Изъ Новгорода, однако (какъ думаютъ, смягченный дарами), онъ выѣхалъ мирно, благословивъ архіепископа и народъ ²⁹⁴). Но въ **1397** году, — потому ли, что новгородцы отказались разорвать миръ съ нѣмцами, или за отказъ въ судѣ митрополиту, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, — Василю Дмитріевичу послалъ своихъ бояръ на Двину въ Заволочье сказать всѣмъ тамошнимъ поселенцамъ («всей Двинской свободѣ»), чтобъ они «задались» за великаго князя, который будетъ бороться ихъ отъ Новгорода. Двинскіе бояре и вообще всѣ двиняне цѣловали крестъ великому князю. Тогда же Василю Дмитріевичу отняли у новгородцевъ Волокъ-Ламскій и Торжокъ съ волостями, Бѣжецкій Верхъ и Вологду; затѣмъ, сложилъ съ себя крест-

293) Ibid. III, 97; IV, 101—102, 141, 194; V, 17, 246—248, 250; VI, 128—129; VII, 220; VIII, 68—70; Ник. IV, 273. Упомянувши о свиданіи князей въ Смоленскѣ въ 1396 г., Софійская вторая говоритъ, будто Василю Дмитріевичу вмѣстѣ съ другими князьями послалъ Витовту разметныя грамоты; и эта же лѣтопись ниже говоритъ о пріѣздѣ, въ томъ же году, Витовта въ Коломну, гдѣ онъ былъ принятъ великимъ княземъ съ честью; а передъ этимъ извѣстіемъ говорится о томъ, что Василю Дмитріевичу посылали въ Любутскъ посла отговорить Олега рязанскаго отъ войны съ Литвой. Не беремъ утверждать, насколько вѣрны эти извѣстія; въ другихъ лѣтописяхъ объ этомъ не говорится. — Отправка пословъ въ Новгородъ Воскресенской лѣтописью отнесена къ 1396-му, Никоновской — къ 1398-му, а всѣми остальными — къ 1397-му году.

294) Ibid. III, 97; IV, 141; Никон. IV, 257, напротивъ, говоритъ, что «даша ему новгородцы судъ по старинѣ».

ное дѣлованіе къ нимъ, «крестную грамоту къ нимъ скинулъ». Новгородцы хотя и отвѣтили тѣмъ же, но не хотѣли доводить дѣла до крайности. Въ это время митрополитъ позвалъ въ Москву владыку новгородскаго Іоанна по святительскимъ дѣламъ. Новгородцы отправляютъ съ нимъ своихъ пословъ и умоляютъ владыку замолвить за нихъ доброе слово предъ великимъ княземъ. Владыка просилъ Василя отступиться отъ Заволочья и взятыхъ имъ городовъ, а также отмѣнить общій судъ на порубежѣ, потому что это — «не старина». Но великій князь не принялъ ни благословенія и добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ; отъ Новгорода нелюбія не отложилъ и мира не взялъ ²⁹⁵). Когда владыка Іоаннъ возвратился домой, къ нему собрались новгородцы и представляли ему, что обидѣ великаго князя долѣе терпѣть нельзя. Тогда владыка благословилъ ихъ «поискать» отнятыхъ у нихъ городовъ и волостей. Это было весной **1398** года. Новгородскіе воеводы съ ополченіемъ пошли на Двину къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ владычній волостель съ Вели (пряткокъ р. Ваги), отъ котораго они узнали, что великокняжескій бояринъ Андрей, въ самый день Пасхи, напалъ съ двинянами на Вель, волость св. Софіи, повоевалъ ее и взялъ поголовный («на головахъ») окупъ; а на Двину, въ засаду, отъ великаго князя пріѣхалъ кн. Ѳеодоръ ростовскій охранять («блюсти») города, судить и брать пошлины съ новгородскихъ волостей; узнали также, что двинскіе воеводы, Иванъ и Кононъ съ своими друзьями, подѣлили между собою на части новгородскія волости и новгородскихъ бояръ. «Лучши есть намъ умерети за св. Софію, нежели въ обидѣ быти отъ своего великаго князя!» сказали воеводы и пошли на волости великаго князя: Бѣлозерскія волости и Бѣлозерскій старыи городокъ были взяты на щитъ, пограблены и сожжены; изъ новаго городка вышли бѣлозерскіе князья съ великокняжескими воеводами и добились челомъ новгородскимъ воеводамъ, которые взяли съ нихъ 60 рублей окупа и, кромѣ того, забрали громаднѣйшій полонъ и много скота; далѣе, захватили Кубенскія волости, воевали около Вологды, повоевали и пожгли Устюгъ, гдѣ стояли четыре недѣли; отсюда отрядили часть войска къ югу, которая только на одинъ день пути не доходила до Галича, все предавая по пути огню и мечу и забирая полонъ, который впрочемъ отдавали на окупъ, такъ какъ суда не могли поднимать всей тяжести добычи. Отъ Устюга новгородцы пошли къ Орлецу, гдѣ стояли четыре недѣли. Жители этого городка не сдавались; но когда стали бить его пороками, они вышли съ челобитьемъ: воеводы приняли отъ жителей челобитье, но воеводъ заволочникъ, «кто водилъ Двинскую землю на зло», не пощадили:

295) Ibid. III, 98; IV, 102; V, 250; VI, 129—130; VIII, 70; Ник. IV, 272 и сл.

однихъ предали смерти, другихъ перековали; у кн. Ѳедора ростовскаго взяли присудъ и пошлины, «а самому съ други животъ даша»; съ гостей великаго князя взяли 300 рублей окупа, а съ двинянъ «за ихъ преступленіе и за ихъ вину» взяли 2000 рублей и 3000 коней, по числу новгородскихъ ратниковъ. Изъ плѣнныхъ главнаго «перевѣтника», Ивана Никитина, заволоцкаго воеводу, въ Новгородѣ сбросили съ моста (въ Волховъ); двоихъ, Герасима и Родіона, пощадили, такъ какъ они изъявили желаніе постричься въ монахи; брату Ивана Никитина Анфалу удалось бѣжать еще въ дорогѣ. Погоня за нимъ не имѣла успѣха. Утоливши жажду мести, новгородцы послали въ Москву пословъ для заключенія мира, который и состоялся «по старинѣ», и Василій Дмитрієвичъ отпустилъ въ Новгородъ брата своего Андрея. Уступчивость, въ данномъ случаѣ, великаго князя можетъ правдоподобно объясняться тѣмъ, что онъ не хотѣлъ оттолкнуть отъ себя новгородцевъ въ другую сторону, къ своему опасному врагу—Литвѣ, а Витовтъ дѣйствительно хлопоталъ о томъ, чтобы взять Новгородъ въ свои руки. Въ договорѣ Витовта съ прусскимъ магистромъ, состоявшемся въ томъ же **1398 г.**, есть одинъ пунктъ, по которому Витовтъ долженъ помочь Ордену въ завоеваніи Пскова, а Орденъ обязанъ помогать Витовту въ покореніи Новгорода. Примиреніе новгородцевъ съ Васиціемъ и посылка туда послѣднимъ «въ себя мѣсто» Андрея Дмитрієвича, конечно, не нравились Витовту, но теперь онъ не высказывалъ явно своего гнѣва ни противъ Новгорода, ни противъ Москвы, такъ какъ отвлеченъ былъ въ другую сторону: онъ шелъ противъ Темиръ-Кутлука (или Кутлуя) за изгнаннаго послѣднимъ изъ орды Тохтамыша, которому надѣялся возвратить ханскій престолъ, и, въ свою очередь, при помощи восстановленнаго имъ хана, прибрать Москву къ своимъ рукамъ: «сѣсть на Москвѣ на великомъ княженіи, на всей Руськой землѣ». Въ томъ же году зачѣмъ-то пріѣзжалъ отъ него въ Москву посоль Ямонтъ. Можетъ быть, не хотѣлъ-ли Витовтъ привлечь на свою сторону и московскаго князя для выполненія первой части своей программы? Затѣмъ, тогда же жена Васиція, Софья Витовтовна, съ дѣтьми своими пріѣзжала къ отцу въ Смоленскъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но планъ Витовта относительно Тохтамыша не удался: при помощи Едигея Темиръ-Кутлукъ на голову разбилъ литовцевъ на берегахъ Ворсклы. Это было 12-го августа **1399 г.** Еще до этой битвы Витовтъ прислалъ новгородцамъ розметную грамоту съ рѣчью: «обезчестовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а миѣ было вамъ княземъ великимъ быти, а васъ миѣ было боронити, и вы за мене не ялися». Тогда же Витовтъ «разверзъ миръ» съ Васиціемъ Дмитрієвичемъ и Псковомъ, куда еще въ прошломъ году, удовлетворяя просьбу псковичей, в. кн. московскій послалъ Ивана Всеволодо-

вича, князя холмскаго, который въ **1397 г.**, сложивъ крестное цѣлованіе къ в. кн. тверскому Михаилу Александровичу, ушелъ въ Москву и тамъ женился на Анастасіи Димитріевнѣ, сестрѣ великаго князя ²⁹⁶). Но сейчасъ увидимъ, что послѣ битвы на берегахъ Ворсклы Витовтъ сталъ уступчивѣе по отношенію даже къ Новгороду, между тѣмъ какъ московскій князь становится какъ будто притязательнѣе.

И такъ, Василію Димитріевичу Витовтъ становился теперь менѣе страшнымъ, между прочимъ, потому, что силы литовскія значительно поубавились на Ворсклѣ. Теперь онъ могъ обратить на Новгородъ болѣе серьезное вниманіе, и во всякомъ случаѣ имѣлъ поводы начать непріязненные дѣйствія противъ новгородцевъ, тѣмъ болѣе, что въ **1400** Новгородъ заключилъ съ Витовтомъ миръ, а въ слѣдующемъ **1401** году—и Псковъ. Очевидно, Витовтъ сдѣлался уступчивѣе по отношенію къ Новгороду благодаря поражению на Ворсклѣ ²⁹⁷). Василій Димитріевичъ, кромѣ того, могъ видѣть, что урокъ, данный новгородцамъ въ **1398 г.**, а потомъ мягкость, выказанная имъ при заключеніи мира съ ними, одинаково остаются бесполезными. Тѣ или другія побужденія руководили великимъ княземъ, опредѣлительно сказать нельзя, но въ **1401 г.** онъ опять начинаетъ войну въ Заволочѣ. Въ началѣ марта новгородскій владыка поѣхалъ въ Москву, куда звалъ его митрополитъ по святительскимъ дѣламъ; но великій князь «велѣлъ поимати» его, вѣроятно, за то, что онъ благословлялъ новгородцевъ на войну. Въ то же время, по повелѣнію великаго князя, извѣстные уже намъ Анфалъ Никитинъ и успѣв-

296) Ibid. III, 98—101; IV, 102—103, 141—142, 195; V, 18, 250—251; VI, 130; VIII, 70—73; Ник. IV, 272 и сл.; Карамз. V, 95 и прим., сюда относящееся. О договорѣ Витовта съ прусскимъ магистромъ см. диссертацию А. Барбашева: «Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы» (Спб. 1885), гл. IV. — Что касается послыски во Псковъ Ивана Всеволодовича холмскаго, то лѣтописи относительно этого предмета разнятся такъ, что примирить ихъ трудно: одніе говорятъ объ этомъ подъ 1398, другія — подъ 1399, третьи — подъ 1400 годовъ. Мы отдаемъ преимущество двумъ послѣднимъ разрядамъ лѣтописей, во 1-хъ, какъ лѣтописямъ мѣстнымъ, а во 2-хъ потому, что въ нихъ порядокъ событій идетъ естественнѣе и логичнѣе: изъ Пскова уѣзжаетъ за двѣ недѣли до Троицына дня кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, сложивъ къ псковичамъ крестное цѣлованіе; зимой Витовтъ «разверзъ миръ» съ великимъ княземъ московскимъ, съ Новгородомъ и Псковомъ; наконецъ, псковичи посылаютъ за Иваномъ Всеволодовичемъ. Такъ естественно представляется ходъ событій по Новгородской и Псковской лѣтописямъ. Что же касается того, что онѣ разнятся въ годѣ (по одной — 6907, по другой — 6908 г.), то на самомъ дѣлѣ могло быть такъ: въ концѣ 1399 г. псковичи просили Холмскаго князя, а въ 1400 онъ пріѣхалъ и въ томъ же году уѣхалъ, такъ какъ — по этимъ же лѣтописямъ — Михаилъ Александровичъ тверскій, къ которому Иванъ Всеволодовичъ сложилъ крестное цѣлованіе, умеръ раньше отъѣзда князя Холмскаго изъ Пскова, — а по другимъ источникамъ мы знаемъ, что съ преемникомъ Михаила Иванъ Всеволодовичъ вошелъ въ сношенія и примирился; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и надобно объяснять отъѣздъ его изъ Пскова. См. П. С. Р. Л. VI, 131; VIII, 74; XV, 461 и 470; Ник. IV, 297.

297) Ibid. III, 101; IV, 143, 195; V, 18.

шій бѣжать изъ монастыря Герасимъ съ великокняжескою ратью неожиданно пришли въ Двинскую землю и взяли ее на щитъ; людей рѣзали и вѣшали, забирая ихъ имущество и товары; схватили нѣсколько новгородскихъ бояръ. Но трое новгородскихъ воеводъ, Степанъ Михайловичъ съ братомъ и Никита Головня, собрали вожанъ, нагнали Анфала и Герасима и въ битвѣ при Холмогорахъ отняли у послѣднихъ захваченныхъ ими новгородскихъ бояръ. Въ то же время великій князь послалъ на Торжокъ бояръ своихъ, Александра Поля и Ивана Марина, съ ратью въ 300 человекъ; ими схвачены были въ Торжкѣ сынъ новгородскаго посадника Семень Васильевичъ и Михаилъ Теофилактовичъ; имущество ихъ въ церкви Спаса также было взято а сами они отправлены были въ Москву. Впрочемъ въ слѣдующемъ **1402** году Василій Димитріевичъ отпустилъ ихъ въ Новгородъ, а чрезъ годъ послѣ того отпущенъ былъ и владыка новгородскій ²⁹⁸). Затѣмъ до **1417** года мы не видимъ, чтобы между Москвой и Новгородомъ были враждебныя столкновенія. Что касается Пскова, то, какъ мы уже видѣли, хотя онъ въ **1401** году и заключилъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, вѣчный миръ съ Витовтомъ, тѣмъ не менѣе въ томъ же году Василій Димитріевичъ назначилъ въ Псковъ своимъ намѣстникомъ князя Данила Александровича, котораго мы встрѣчаемъ тамъ и въ послѣдующіе годы ²⁹⁹).

Семень Димитріевичъ суздальско-нижегородскій все еще бродилъ между татарами и не оставлялъ своей мечты — когда-нибудь добиться Нижняго-Новгорода. Конечно, Василій Димитріевичъ не могъ оставить его безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что этотъ князь, какъ видно изъ сохранившихся о немъ лѣтописныхъ извѣстій, былъ чрезвычайно настойчивъ и упоренъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и въ то же время закоренѣлый врагъ новаго порядка вещей, наступившаго съ усиленіемъ московскихъ князей. Въ **1398** или **1399** году Василій Димитріевичъ посылалъ на него къ Казани брата своего Юрія. Но этотъ походъ былъ безуспѣшенъ. Наконецъ, въ **1401** г. великій князь послалъ воеводъ своихъ, Ивана Александровича Уду и Ѳедора Глѣбовича, съ большимъ войскомъ — отыскать если не самого Семена Димитріевича, то хотя его семейство или бояръ. Воеводы пошли въ Мордовскую землю и нашли жену Семена Александру съ дѣтьми на какомъ-то

298) Ibid. III, 101; IV, 104—105, 141, 143; V, 252; Ник. IV, 300—303; Архангел. 121. Извѣстіе Псковской первой о томъ, что Василій Димитріевичъ «разверзъ миръ» съ Новгородомъ, помѣщенное подъ 1402 годомъ, должно, судя по ходу событій, относиться къ предъидущему году. — Татищевъ (IV, 404) передаетъ, что великій князь выражалъ митрополиту Кипріану неудовольствіе на новгородскаго владыку, почему митрополитъ и послалъ въ Новгородъ стольника своего Новосильца звать владыку въ Москву.

299) Ibid. IV, 195; V, 18.

вмѣстѣ *Цыбириы*, около православной церкви, поставленной какимъ-то татаринномъ Хазпбабой, — забрали все ея имущество и вмѣстѣ съ дѣтьми взяли въ Москву. Борьба, какъ видно, была весьма ожесточенна, такъ что вызвала вмѣшательство духовенства. «Смущеніе велико, — пишетъ великому князю Кириллъ, игуменъ Бѣлозерскаго монастыря, — между тобою и средними твоими князми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они — свою; а въ томъ, господине, межн васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится... Слышеть есмь, что доселѣ были (суздальскіе князья) у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погibli въ заблуженіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались...» Узнавши объ участи своей семьи, Семень Димитріевичъ, по выраженію лѣтописца, «вниде въ покореніе»: сославшись съ Василюемъ Димитріевичемъ и выпросивши у него опасъ (опасная грамота), онъ прибылъ въ Москву и взялъ миръ съ великимъ княземъ, отказавшись въ его пользу отъ Нижегородскаго княжества. Не извѣстно, давалъ ли ему что-нибудь великій князь изъ бывшей его отчины; знаемъ только, что онъ въ **1402 г.** уѣхалъ съ семействомъ въ Вятку уже сильно ослабленный, разболѣлся тамъ и 21-го декабря того же года скончался³⁰⁰).

Въ **1403 г.** не въ первый разъ уже происходитъ раздоръ между в. кн. тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ и младшимъ братомъ его, Василюемъ Михайловичемъ кашинскимъ, который бѣжалъ въ Москву. Василю Димитріевичъ успѣлъ примирить братьевъ³⁰¹). Такое же мирное настроеніе сказалось въ великомъ князѣ и по отношенію къ Новгороду. Въ **1401** году, когда новгородскій архіепископъ Іоаннъ пріѣзжалъ, по какимъ-то дѣламъ, въ Москву къ митрополиту и великому князю, послѣдній приказалъ «пои-

300) Ibid. VI, 131; VIII, 75 относятся эти событія къ 1401 году; IV, 108, 145 и V, 253 — къ 1405, а Ник. IV, 303, 304 — къ 1402 г. Посланіе игумена Кирилла въ Акт. Ист. I, № 12 и у Амвросія въ «Росс. Іерархіи» IV, 403, но съ подновленной орфографіей. О походѣ Юрія Димитріевича къ Казани на Семена говорится въ V, 251; VI, 130; VIII, 72 подъ 1408 годомъ; въ IV, 130 и V, 252 — въ вариантахъ подъ 1409 г., причемъ редакторъ лѣтописи отсылаетъ читателя *смотреть то же извѣстіе* подъ 1405 годомъ въ той же лѣтописи, отождествляя, очевидно, событія 1408 или 1409 г. съ событіями 1401 или 1405 годовъ. Въ Воскр. лѣт. (VIII, 72) подъ 1408 годомъ говорится, что Василю посылалъ брата Юрія къ Казани на кн. Семена, а подъ 1409 г. — о приходѣ Семена въ Нижній-Новгородъ съ царевичемъ Ейтякомъ. Разобраться здѣсь въ хронологической послѣдовательности событій очень трудно. Но, кажется, необходимо различать по отношенію къ Семену Димитріевичу и великому князю три момента въ теченіи указанныхъ лѣтъ: а) взятіе Нижняго-Новгорода Семеномъ и отнятіе его у Семена войсками великаго князя, посланными съ Юриемъ; б) попытка поймать Семена Димитріевича, возложенная на того же Юрія, и в) поимка жены Семена.

301) Ibid. IV, 106; V, 252; VIII, 76.

матя» его ³⁰²); а въ слѣдующемъ **1402 г.** Василій Димитріевичъ разорвалъ миръ съ новгородцами ³⁰³). Но въ **1403 г.** великій князь вдругъ приказываетъ митрополиту Кипріану освободить новгородскаго владыку и съ честію отпустить его въ Новгородъ ³⁰⁴).

Отношенія къ Литвѣ за разсматриваемое время Василій Димитріевичъ старался поддержать если не дружественными, то, по крайней мѣрѣ, мирными, пока не затрогивались, со стороны Литвы, его существенные интересы. Это видно изъ того, какъ онъ относился къ событіямъ въ Смоленскѣ и Псковѣ, на которые сильно налегалъ Витовтъ. Въ **1403 г.** въ Москву пріѣхалъ смоленскій князь Юрій Святославичъ и просилъ великаго князя защитить его отъ Витовта; онъ предлагалъ даже Василію Димитріевичу свое княжество въ собственность, только не было бы оно за его непримиримымъ врагомъ, а себя просилъ принять на службу. Великій князь, не желая нарушить мира съ Витовтомъ, не согласился ни на то, ни на другое ³⁰⁵). Впрочемъ, причиной отказа было, кажется, и нерасположеніе Василія Димитріевича къ Юрію, личность котораго, дѣйствительно, была довольно грязной, судя по поступку его съ княгиней Вяземской, которая не хотѣла для него измѣнить мужу, близкому къ Юрію человѣку. Совсѣмъ иначе отнесся великій князь къ подобной же просьбѣ псковичей. Когда, въ **1405 г.**, псковичи и новгородцы просили у Василія Димитріевича помощи противъ Витовта, который на миру взялъ у нихъ городъ Коложе, то великій князь послалъ въ Псковъ брата своего Петра ³⁰⁶), а въ слѣдующемъ **1406** году изъ-за тѣхъ же псковичей разорвалъ съ Витовтомъ миръ и послалъ свои рати къ Вязьмѣ и Серпейску — воевать Литовскую землю ³⁰⁷); наконецъ, 7-го сентября того же года и самъ Василій Димитріевичъ выступилъ къ р. Плавѣ противъ Витовта. До битвы, однако, дѣло не дошло: князя заключили перемиріе на годъ ³⁰⁸). Въ Псковѣ Василій Димитріевичъ оставилъ своимъ намѣстникомъ князя Даніила Александровича (изъ ростовскихъ князей). Для

302) Ibid. V, 252. См. прим. 298.

303) Ibid. IV, 196.

304) Ibid. IV, 144.

305) Ibid. IV, 144; въ слѣдующихъ лѣтоп. подъ 1404 годомъ: III, 102; IV, 106—107; V, 253; VI, 132; VII, 239; VIII, 76; а въ Новгородской 4-ой (т. IV, 145) — подъ 1405 годомъ.

306) Ibid. IV, 133—134; VI, 132; VIII, 81, 78; Ник. IV, 316.

307) Ibid. IV, 109; V, 254; VI, 132; VIII, 78. По Троицкой (I, 233) это было въ 1405, а по Псков. 1-ой и 2-ой (IV, 198,—V, 19) — въ 1407 году. Въ Ник. IV, 316 говорится, что посланный къ Вязьмѣ и Серпейску войска «не успѣша ничто же.»

308) Ibid. V, 254; VI, 133; VIII, 78; Ник. V, 1. Въ Софійской второй говорится, что Василій Димитріевичъ пошелъ противъ Витовта «и ста на Плавотъ», очевидно, вмѣсто *на р. Плавъ*. — Никон. лѣтопись говоритъ, что Василію присылали помощь кн. тверскій Иванъ Михайловичъ и ханъ Шадибекъ.

Смоленска, какъ видно, великій князь ничего не выговорилъ у Витовта: мы видимъ, что въ томъ же **1406 г.** въ Москву опять пріѣхалъ кн. Юрій Святославичъ, выгнанный изъ его отчины Витовтомъ, и получилъ намѣстничество въ Торжкѣ; тогда же изъ Литвы пріѣхалъ на службу къ великому князю кн. Александръ Ивановичъ Нелюбъ, которому данъ былъ г. Переяславль³⁰⁹). Между тѣмъ псковичи, оставленные въ покоѣ со стороны Литвы, начинаютъ терпѣть отъ нападений со стороны нѣмцевъ. Они опять обратились за помощью къ Василию Дмитріевичу, который послалъ къ нимъ (зимой) брата своего Константина сначала только для помощи, а потомъ, въ **1407 г.**, и на княженіе³¹⁰).

Съ **1407 г.**, по выраженію Никоновской лѣтописи, «наипаче заратилася москвичи съ литвою». Ни одна изъ лѣтописей не указываетъ, однако, на причины этихъ непріязненныхъ отношеній. Василій Дмитріевичъ пошелъ по направленію къ Смоленску, взялъ и сожегъ Дмитровецъ и отсюда пошелъ къ Вязьмѣ. Но до битвы и теперь дѣло не дошло: князья заключили перемиріе на время отъ Рождества Богородицы (8-го сентября) до Петрова дня³¹¹). Въ Литвѣ въ это время происходили усобицы: Ягелло и Свидригайло спорили о власти; первый одержалъ верхъ, и его соперникъ изъ Брянска перешелъ, въ **1408** году (іюля 26-го), на службу къ князю московскому; съ нимъ пришли также князья: Патрикій и Александръ звенигородскіе, Ѳедоръ Александровичъ путивльскій, Семенъ перемышльскій, Михаилъ Хотетовскій и Урустай минскій (вѣроятно, изъ татарскихъ князей), бояре черниговскіе, брянскіе, стародубскіе и рославльскіе. Василій Дмитріевичъ далъ Свидригайлу города: Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, Волоколамскъ и др.³¹²). Между тѣмъ на Литвѣ наступило относительное спокойствіе, и Витовтъ не преминулъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ для похода на Москву. Хотя лѣтописи и не говорятъ о причинахъ

309) Ibid. III, 103; IV, 109; V, 256; VI, 132—133; VIII, 78—81; Ник. IV, 317.

310) Ibid. III, 103; IV, 198; V, 19; VI, 134; VIII, 81. По Новгородской 1-ой Константинъ въ первый разъ пришелъ на помощь къ псковичамъ въ 1407 году, а на намѣстничество — въ 1408. Псковская 1-я добавляетъ, что въ 1407 г. онъ пришелъ въ мартъ (15-го). Странно, почему въ послѣдней не говорится о томъ, что Константинъ былъ во Псковѣ на княженіи.

311) Ibid. IV, 110; V, 256—257; VI, 135. Лѣтописи Троиц. и Воскр. (I, 234; VIII, 81) относятъ этотъ походъ къ 1408 году. Нѣкоторыя изъ лѣт., наприм. Никоновская, говорятъ, что Василій Дмитріевичъ выступилъ въ походъ 6-го августа, а другія, какъ Троицкая, — 8-го сентября. Такъ какъ перемиріе до Петрова дня заключено именно 8-го сентября, то, очевидно, войска должны были выступить въ походъ много раньше этого числа. По Софійской второй передъ этимъ походомъ Василій Дмитріевичъ и Иванъ Михайловичъ тверскій пошли въ орду къ Зелени-Салтану, а по Воскр. пошелъ только кн. тверскій.

312) Ibid. V, 257; VI, 136; VIII, 82; Ник. V, 16. Густинская лѣт. (I, 352) относитъ приходъ Свидригайла къ 1406 г.

этого похода, но, кажется, ближайшею причиною его былъ переходъ на службу къ Василію Витовтова врага Свидригайла. Василій Димитріевичъ пошелъ на встрѣчу Витовту, къ р. Угрѣ. Но и на этотъ разъ дѣло не дошло до битвы: князя заключили вѣчный миръ ³¹³).

Въ ордѣ въ описываемое время происходили неурядицы и смуты, была замѣтна, по выраженію лѣтописей: ханы быстро смѣняли одинъ другаго, и эти перемѣны сопровождались потрясеніями и кровопролитіемъ: Тохтамышъ смѣнилъ Темиръ-Кутлуй, за которымъ слѣдовали Шадибекъ и Булатъ-Салтанъ. Василію Димитріевичу, конечно, на руку были эти смуты, и онъ нѣсколько лѣтъ не посылалъ даже выхода въ орду. Тѣмъ не менѣе орда еще сильна была, между прочимъ, потому, что настоящимъ представителемъ ея въ это время былъ хитрый и энергичный Едигей. Онъ, по-видимому, дружилъ съ Василіемъ, называлъ его сыномъ своимъ, а между тѣмъ втайнѣ готовился нанести этому сыну сильный ударъ. Въ 1408 г. онъ вмѣстѣ съ другими четырьмя царевичами и многими князьями ордынскими вторгся въ Рязанскую землю, разбилъ рязанскаго князя Ѳедора Олеговича, потомъ — коломенскую рать и, въ концѣ ноября, подступилъ къ Москвѣ. Великій князь уѣхалъ въ Кострому, оставивъ въ Москвѣ дядю своего Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра и какого-то кн. Ивана Юрьевича. Едигей 26-го ноября остановился въ Коломенскомъ, а 1-го декабря по всей Московской землѣ распустилъ татаръ, которые разсыпались въ разныя стороны «аки зліи вѣлци»: Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верея, Нижній-Новгородъ и Городецъ сдѣлались жертвою огня и меча татарскаго; но погоня, посланная за великимъ княземъ, не могла догнать его и ни съ чѣмъ воротилась назадъ. Хотя Едигей самъ и не подходилъ къ Москвѣ и не сносился съ осажденными, тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ остаться здѣсь на зимовку и, во что бы то ни стало, взять столицу. Чтобы усилиться людьми и осадными орудіями, онъ вызывалъ къ Москвѣ Ивана Михайловича, в. кн. тверскаго, съ пушками, тюфяками и самострѣлами. Иванъ Михайловичъ шелъ медленно; дошедши до г. Клина, онъ отпустилъ отъ себя сопровождавшихъ его татарскихъ посланцевъ, а самъ воротился домой. Такъ

313) Ibid. VI, 136; VIII, 82. Троицк. и Псков. 1-я и 2-я (I, 234; IV, 200; V, 21), а также Никон. (V, 26—27) относятъ этотъ походъ къ 1409 году. Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Воскр. и Никон., выступленіе Василія въ походъ относятъ къ 1-му сентябрю, другія — къ 11-му, какъ Соф. 2-я, и третья — къ 14-му, какъ Троицкая. Въ большинствѣ лѣтописей виновникомъ вооруженнаго столкновенія выставляется Витовтъ, — онъ первый выступаетъ противъ Василія; а 1-я и 2-я Псков. и Никон. лѣтописи приписываютъ починъ въ этомъ дѣлѣ Василію. Последняя изъ указанныхъ лѣтописей прибавляетъ, что Василій обращался къ татарскому царю съ просьбой о помощи противъ Витовта, что ханъ Шадибекъ и кн. Иванъ Михайловичъ тверскій присылали ему помощь.

онъ поступалъ «дабы ни Едигѣя разгнѣвити, ниже великому князю погрубити, и обоимъ обоего избѣжа, премудрѣ бо сіа створи»... Не надѣясь захватить (въ плѣнъ) великаго князя, Едигей отправилъ къ нему посланіе или грамоту, въ которой прописываетъ всѣ преступныя противъ орды дѣянія Василія. Это посланіе, внесенное въ Новгородскую 4-ю и другія лѣтописи, весьма любопытно, такъ какъ оно ярко характеризуетъ отношенія Василія къ ордѣ и его ордынскую политику. Едигей, прежде всего, говоритъ, что онъ пришелъ ратью потому, что, по распространенному въ ордѣ слуху, у Василія находятся Тохтамышевы дѣти. Очевидно, Булатъ-Салтанъ не чувствовалъ подъ собой твердой почвы и, надо полагать, боялся, что Василій (если бы у него были Тохтамышевы дѣти) могъ отъ себя выставить претендента на ханскій престолъ. Далѣе, Едигей жалуется, что прежде улусъ царевъ «исправу дрѣжалъ да и пошлину», а теперь этого нѣтъ, — что приходившихъ въ Московскую землю царевыхъ пословъ и купцовъ «на смѣхъ поднимаютъ», между тѣмъ какъ прежде пословъ царевыхъ и гостей чтили и «держали безъ истомы и безъ обиды»; онъ совѣтуетъ Василію спросить старыхъ бояръ, такъ ли дѣлалось прежде; выставляетъ на видъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ на царствѣ Темиръ-Кутлуй, Василій не былъ ни у одного царя въ ордѣ, не присылалъ даже ни дѣтей, ни князей, ни бояръ своихъ. «Добрые нравы, говоритъ Едигей, и добрыя дѣла, и добрая дума въ ордѣ была отъ Федора отъ Кюшки, добрый былъ человекъ: который добрыя дѣла ордынскія тотъ тебѣ (Василію) поминалъ, а то ся минуло». Теперь, говоритъ далѣе Едигей, у тебя сынъ его Иванъ — казначей, любовникъ и старѣйшина; «я ты нынѣча изъ того (Ивана) слова и думы не выступаешь, которая его дума не добра и слово, и ты изъ того слова не выступаешь... ино того думою учинилася улусу пакость». Въ заключеніе Едигей говоритъ, что Василій, посылая въ орду «жалобныя грамоты», всегда лгалъ, когда говорилъ, что «ся улусъ истомилъ и выхода взяти не на чемъ», что онъ бралъ съ двухъ сохъ по рублю и неизвѣстно, куда дѣвалъ это серебро, т. е. — другими словами — оставлялъ у себя. Такъ прописывалъ Едигей Василію его «пакости». А между тѣмъ ордѣ угрожалъ новый претендентъ на ханскій престолъ. Булатъ-Салтанъ чрезъ посла извѣщалъ Едигей объ опасности и требовалъ, чтобъ онъ немедленно возвратился въ орду. Только теперь Едигей вступаетъ въ переговоры съ осажденными, не знавшими объ угрожавшей хану опасности, и соглашается снять осаду за окупъ въ 3000 рублей. Сначала Едигей отпустилъ въ орду нѣсколько отрядовъ съ большимъ полонемъ, а потомъ, въ концѣ декабря, ушелъ и самъ со всѣмъ войскомъ³¹⁴⁾.

314) Ibid. III, 103; IV, 110; V, 257; VI, 136; VIII, 82—84; Ник. V, 17 и сл. Троицк. (I, 234) относитъ это событіе къ 1409 году; С. г. г. и д. II, № 15.

Затѣмъ, до **1418 г.** дѣятельность Василія Дмитрієвича отличается болѣе мирнымъ и миротворнымъ характеромъ. Въ **1408 году**, еще до нашествія Едигея, кн. Иванъ Владиміровичъ пронскій согналъ Ѳедора Олеговича съ великокняжескаго рязанскаго стола, который самъ занялъ. Василій Дмитрієвичъ вступился въ это дѣло, примирилъ родичей, и каждый изъ нихъ занялъ по-прежнему свое княженіе ³¹⁵); тогда же по повелѣнію великаго князя срубленъ, т. е. укрѣпленъ былъ г. Ржева, вѣроятно, по причинѣ частыхъ набѣговъ на него Литвы ³¹⁶); въ слѣдующемъ **1409 г.** сентября 1-го Василій Дмитрієвичъ съ большой силой выступилъ противъ Витовта и сталъ на берегу р. Угры. Витовтъ съ литовцами, лахами, нѣмцами и жмудью стоялъ на другомъ берегу той же рѣки. Но, простоявши такъ нѣсколько дней, князья примирились, какъ выражается лѣтопись, «по давному ³¹⁷).

Псковъ въ это время начинаютъ беспокоить нѣмцы. Въ самомъ началѣ февраля **1408 г.** ливонскій магистръ съ нѣмцами и литвой вторгся въ Псковскую землю и пустошилъ ее въ продолженіе недѣли. Тщетно псковичи обращались къ Новгороду: новгородцы «псковичемъ въ перечину» не оказали имъ никакой помощи, и нѣмцы побили псковичей. Въ слѣдующемъ **1409 г.** псковичей постигло другое несчастіе: 4-го апрѣля скончался ихъ любимый князь, Даниилъ Александровичъ. Въ то же время, послѣ праздника Пасхи (была 7-го апрѣля), на основаніи заключеннаго Василіемъ Дмитрієвичемъ мирнаго договора съ Витовтомъ, псковичи отправили къ послѣднему пословъ также для заключенія «вѣчнаго мира». Заключивши (въ іюлѣ мѣсяцѣ) миръ и съ ливонскимъ магистромъ, псковичи должны были позаботиться о князѣ: они отправили къ Василію Дмитрієвичу пословъ, по просьбѣ которыхъ великій князь отпустилъ къ нимъ на княженіе кн. Александра Ѳедоровича ростовскаго. Но съ нимъ, какъ видно, псковичи не могли ужиться: въ **1410 г.** Александръ Ѳедоровичъ назначенъ былъ во Псковъ княземъ, а 15-го мая слѣдующаго **1411 г.** онъ уѣхалъ изъ Пскова въ Москву. Въ слѣдующемъ **1412 г.** псковичи опять отправили къ великому князю посольство, чрезъ которое выпросили къ себѣ княземъ меньшаго брата Василіева, Константина Дмитрієвича ³¹⁸).

315) Ibid. VI, 135; VII, 243; Ник. V, 14. Бой между рязанскими князьями произошелъ 1-го іюня.

316) Ibid. VIII, 82.

317) Ibid. VI, 136; VIII, 82; а по I, 234, — IV, 200 и V, 21 походъ на Угру былъ въ 1408 году.

318) Ibid. IV, 200—201; V, 21—22; Ник. V, 36. Псковская 1-я подъ однимъ 1409 годомъ помѣщаетъ извѣстія разныхъ годовъ: походъ Василія на Угру, нападеніе ливонскаго магистра на Псковскую землю въ февралѣ, смерть Данила Александровича въ апрѣлѣ и за-

Еще не успѣли послы выѣхать изъ Москвы, какъ Василій Димитріевичъ со множествомъ богатства и большой свитой собрался въ орду къ Зелени-Салтану (Джелал-Эддину); съ нимъ былъ и ярославскій князь Иванъ Васильевичъ. Въ то же время въ орду пошелъ, по требованію хана, и кн. тверскій Иванъ Михайловичъ. Надобно полагать, что эта поѣздка Василія въ орду была въ связи съ дѣлами нижегородско-суздальскихъ князей, которые хлопотали въ ордѣ о ярлыкѣ на княженіе Нижегородское. Василій выѣхалъ въ орду въ августѣ, а въ половинѣ ноября того же года (о Филипповѣ заговѣннѣ) возвратился въ Москву³¹⁹), кажется, съ успѣхомъ, такъ какъ не расположенный къ нему Зелени-Салтанъ скончался, а занявшій его мѣсто Керимбердей обнадежилъ его въ своей дружбѣ, такъ что суздальско-нижегородскіе князья, не смотря на полученный ими еще отъ Зелени-Салтана ярлыкъ на Нпжній Новгородъ, волей-неволей, должны были смириться, и вотъ, въ **1416 г.**, среди лѣта, въ Москву пріѣхали: Иванъ Васильевичъ Кирдяпинъ, Иванъ Борпсовичъ, сынъ котораго Александръ пріѣхалъ двумя годами раньше отца, а Даниилъ Борпсовичъ прибылъ въ слѣдующемъ **1417** году. Впрочемъ, Даниилъ и Иванъ Борисовичи черезъ годъ бѣжали изъ Москвы³²⁰). Въ томъ же **1417 г.** великаго князя постигло глубокое горе: «зѣло превозжелѣнный ему» сынъ его Иванъ скончался³²¹).

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ, — въ томъ же **1417 г.** Василій Димитріевичъ приказалъ брату своему Юрію воевать Заволочье. Юрій послалъ туда боярина своего Глѣба Семеновича, который съ новгородскими бѣглецами, Семеномъ Жадовскимъ и Михаиломъ Разсохинымъ, съ устюжанами и вятчанами пустошилъ Заволочье до Холмогоръ, которые пожегъ, и взялъ въ полонъ новгородскихъ бояръ, Юрія Ивановича и брата его Сампсона. Новгородцы преслѣдовали

ключеніе мира съ Витовтомъ, также въ апрѣлѣ. Очевидно, къ 1409 году надобно отнести только смерть Даниила и заключеніе мира съ Витовтомъ, а все остальное—къ предъидущему году; и извѣстія за июнь и сентябрь слѣдующаго 1410 года, такимъ образомъ, надобно отнести къ 1409 году. — По Псковской второй псковичи выпросили себѣ княземъ Константина въ 1411 г., а во Псковѣ Константинъ пріѣхалъ въ 1412 году ноября 11-го; по Псковской же первой все это случилось въ 1412 г. — Никон. лѣт. (V, 35) подъ 1410 г. отмѣчаетъ, что Василій Димитріевичъ «повелѣ рубити градъ Плессо».

319) Ibid. I, 134; III, 105; IV, 113, 201; V, 258; VI, 135, 139 (подъ 1407 годомъ, а подъ 1412-мъ опять говорить, что великій князь поѣхалъ въ орду и что при немъ былъ Иванъ Михайловичъ тверскій); VIII, 86; XV, 486.

320) Ibid. I, 235; V, 261 (въ вариантахъ); VI, 140 — 141; VIII, 88, 90.

321) Ibid. I, 235; III, 106, 136; IV, 15, 202; V, 260; VI, 141 (въ вариантахъ); VIII, 88. Смерть его въ VI и VIII смѣшивается со смертью Ивана Васильевича Кирдяпина. Какъ объ этомъ княжичѣ, такъ и о другихъ дѣтяхъ великихъ князей, не занимавшихъ почему либо удѣловъ, біографическія свѣдѣнія будутъ помѣщены въ концѣ этого тома, въ I приложеніи.

незванныхъ гостей, отбили у нихъ новгородскихъ бояръ и вообще новгородскій полонъ, а другая партія новгородцевъ сожгла Устюгъ ³²²).

Сей-часъ мы упомянули о томъ, что въ 1417 г. умеръ старшій сынъ Василія Димитріевича, «зѣло превозжелѣнный» ему Иванъ, въ которомъ великій князь лишился наслѣдника великокняжескаго стола. Но за два года передъ этимъ у Василія родился другой сынъ, именемъ также Василій, который теперь и долженъ считаться наслѣдникомъ престола. Въ 1419 г. Василій Димитріевичъ хотѣлъ подъ этого Василья, какъ будущаго великаго князя, «подписать» младшаго брата своего Константина, т. е., говоря современнымъ намъ языкомъ, привести его къ присягѣ на вѣрность своему сыну, какъ наслѣднику великокняжескаго стола. Константинъ воспротивился этому: «Нестъ сѧ отъ начала бывало», сказалъ онъ старшему брату: «и ты ныне на мнѣ почто хочешь силу сотворити?» Разгнѣванный Василій отнялъ у Константина отчину его, отнялъ все до послѣдней деревни и приказалъ переловить бояръ его. Константинъ ушелъ къ новгородцамъ, которые, 25-го февраля, приняли его съ великою честію и дали ему города, бывшіе прежде за кн. Семеномъ (Лугвеніемъ) Ольгердовичемъ литовскимъ ³²³).

Въ 1420 г. новгородцы чрезъ бояръ Константина Димитріевича и чрезъ великокняжескаго намѣстника, кн. Ѳедора Патрикѣевича, заключили съ нѣмцами миръ въ сѣздѣ на р. Наровѣ. Псковичи также были въ мирѣ съ нѣмцами. Между тѣмъ въ слѣдующемъ 1421 г. Витовтъ чрезъ пословъ своихъ потребовалъ, чтобы Псковъ разорвалъ миръ съ нѣмцами. Псковскіе послы въ свою очередь говорили Витовту: «како намъ, княже, по тобѣ по собити? а на томъ есме крестъ цѣловали, что намъ съ нѣмцы миръ держати, а по тобѣ не помогати». Съ этого времени, по замѣчанію одной лѣтописи, Витовтъ началъ держать гнѣвъ на псковичей. Вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ надобно объяснять отправку, въ томъ же году, псковскаго посольства къ великому князю съ просьбой дать въ князя Пскову Александра Ѳедоровича, кн. ростовскаго, который и прибылъ во Псковъ 1-го апрѣля 1422 года ³²⁴).

Что касается отношеній, за это время, самого Василія Димитріевича къ Литвѣ, то видно, что онъ старался устранять всякіе поводы къ неприязненнымъ столкновениямъ съ ней и поддерживалъ добрыя сосѣдскія отношенія съ Витовтомъ. Такъ, въ 1422 г. Василій Димитріевичъ отпустилъ жену свою съ сыномъ Васиіемъ въ Смоленскъ на свиданіе съ Витовтомъ, а самъ

322) Ibid. III, 106 — 107; IV, 115; V, 260; VI, 141; Ник. V, 68.

323) Ibid. III, 109; IV, 119 (подъ 1421 годомъ); V, 261 (въ вариантахъ); VIII, 91; Ник. V, 73.

324) Ibid. IV, 119; V, 23; VI, 141.

въ то же время отправился за чѣмъ-то въ Коломну; въ-слѣдъ за Софьей Витовной въ Смоленскъ отправился митрополитъ. Но всего очевиднѣе выражается нежеланіе Василя Дмитрієвича ссориться съ тестемъ въ отношеніяхъ его къ псковитянамъ. Въ **1423 г.** псковичи чрезъ своихъ посадниковъ блии челомъ великому князю, чтобы онъ «доброе слово послалъ» за нихъ Витовту; но великій князь «не учини на добро ничего же». Въ слѣдующемъ **1424 г.** псковичи опять отправили въ Москву пословъ просить себѣ князя, такъ какъ Александръ Ѳедоровичъ ростовскій въ предъидущемъ году выѣхалъ изъ Пскова «п съ челядью»; въ то же время послы просили Василя Дмитрієвича, «абы печаловался о Псковѣ и избавилъ бы отъ гнѣва князя Витовта». Василій послалъ во Псковъ кн. Ѳедора Патрикѣевича, а что касается второй просьбы, то опять великій князь «не учини на добро ничего же». Подобная же просьба съ такимъ же результатомъ повторилась и въ **1425** году. Наконецъ, на желаніе Василя сохранить дружественныя отношенія къ Витовту указываютъ и его духовныя грамоты, въ которыхъ онъ поручаетъ своего сына - наследника попеченію, прежде всего, Витовта. Самъ Витовтъ, какъ видно, считалъ отношенія свои къ великому князю московскому дружественными, и потому-то, когда князь Кудатъ, въ 1424 г., пришелъ къ Одоеву на тамошняго князя Юрья Романовича, литовскаго подручника, Витовтъ просилъ у Василя Дмитрієвича помощи, и хотя послѣдняя не успѣла во-время, тѣмъ не менѣе изъ двухъ ханшъ, взятыхъ въ плѣнъ, литовскіе князья, побившіе Кудата, одну отправили къ Витовту, а другую — къ Василю Дмитрієвичу³²⁵).

Послѣднимъ актомъ жизни Василя Дмитрієвича было примиреніе его съ Новгородомъ: онъ цѣловалъ крестъ къ В. Новгороду на томъ, что отступается отъ Бѣжецкаго Верха, Волока и Волоцкихъ мѣстъ; новгородцы, съ своей стороны, отказались «отъ княжчинъ (принадлежавшихъ великому князю поплинъ) всѣхъ, гдѣ ни есть»³²⁶).

Василій Дмитрієвичъ скончался въ февралѣ **1425** года и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ³²⁷). Онъ женатъ былъ, съ **1392 г.**, на дочери в. кн. литовскаго Витовта Софій³²⁸), отъ брака съ которой имѣлъ пятерыхъ

325) Ibid. V, 24 — 25, 262; VI, 142; VIII, 91 — 92.

326) Ibid. VIII, 92.

327) Ibid. II, 354; III, 110 (подъ 1424 г.), 140 (въ вариантахъ); IV, 120; V, 25, 263; VI, 53, 142; VII, 225; VIII, 2, 92, 248; Ник. V, 82. Однѣ изъ указанныхъ лѣтописей относятъ кончину Василя Дмитрієвича къ 7 февраля, другія — къ 17, третья — къ 27, а нѣкоторыя — къ 28.

328) Ibid. IV, 99; V, 245; VI, 119; но въ II, 351, — V, 244, — VIII, 61 и XV, 445 (зимой) свадьба отнесена къ 1390 году. По IV, 97 — V, 244, — VIII, 61 бояре Василя, выходящіяе встрѣтить великокняжескую невѣсту, въ 1390 г. чрезъ Новгородъ прибыли въ Москву. Очевидно, въ лѣтописяхъ смѣшаны два факта: пріѣздъ Софьи и свадьба.

сыновей и четырехъ дочерей, а именно ³²⁹): Юрія (р. 1395 † 1400), Ивана ³³⁰), Василя (впослѣдствіи великій князь), Данила ³³¹) и Семена, — дочерей: Марію, бывшую за московскимъ бояриномъ и воеводой кн. Юріемъ Патрикѣевичемъ, сыномъ Патрикія Наримонтовича, кн. литовскаго ³³²), — Василиссу, бывшую въ первомъ супружествѣ за Александромъ Ивановичемъ Брюхатымъ, а во второмъ — за Александромъ Даниловичемъ Взметнемъ, князьями суздальско-нижегородскими ³³³), — Анну, въ 1411 г. выданную за греческаго царевича Ивана Мануиловича Палеолога ³³⁴), и Анастасію, бывшую за кievскимъ княземъ Александромъ (Олелькомъ) Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда ³³⁵).

329) Ibid. VI, 124; VIII, 65, 74; Ник. IV, 257.

330) Ibid. I, 235; III, 106, 136; IV, 115, 202; V, 260; VI, 141 (въ вариантахъ); VIII, 70, 88.

331) Мальгинъ («Зерцало») вмѣсто Данила даетъ Василию Димитрія. О Данилѣ извѣстно только, что онъ родился 6-го декабря 1401 г. «да не долго жилъ: толико 5 мѣсяць, и умре»; Семенъ родился 13-го января 1405 г. «да жилъ 12 недѣль и умре». См. Карамз. V, пр. 254. Семенъ упоминается въ первой духовной грамотѣ Василя Димитріевича. С. г. г. и д. I, № 39.

332) Ibid. VII, 254. Имя ея извѣстно по родословнымъ.

333) Ibid. V, 261 (въ вариантахъ); VIII, 90; Ник. V, 73.

334) Ibid. IV, 113; V, 258; VI, 139; VIII, 86; Ник. IV, 250 и V, 41.

335) Ibid. VI, 142; VIII, 91.